

Когда Дун Цзинь вновь откинулся на спинку дивана, атмосфера в люксе заметно разрядилась.

Заметив это, он не стал тратить время на сожаления о пяти минутах жизни, потерянных из-за брошенной карты — сразу перешёл в наступление:

— Похоже, все успокоились.

— Я и не думал, что вы настолько обеспокоены этим вопросом. Раз так, позвольте мне кое-что объяснить.

— Но прежде я хотел бы спросить — чего вы, собственно, так торопитесь?

В люксе воцарилась тишина. Дун Цзинь, не обращая внимания на молчание, продолжил:

— Вы спешите заставить своих подчинённых за шесть дней заполнить город бомбами, спешите взорвать его, чтобы покинуть этот отель. Но что дальше? Будете скитаться повсюду, скрывая свою сущность?

Видя, как некоторые иные погрузились в раздумья, Дун Цзинь начал свою безотказную тактику убеждения:

— На мой взгляд, использовать людей в отеле как одноразовый инструмент — непозволительное расточительство, даже извращение сути происходящего.

— Мне вовсе не нужно, чтобы они шесть дней закладывали какие-то бомбы. Мне нужно за эти шесть дней приручить этих злодеев, заставить их жить и умирать ради меня, преступить ради меня свою природу и инстинкты, отбросить разум и перевернуть мир.

— Когда они добровольно будут готовы умереть за нас, они принесут нам всё, чего мы желаем. Тогда не то что шесть дней — хватит и одного, чтобы полностью уничтожить этот город.

— Так что, мои дорогие бессмертные, найдётся ли у вас терпение на шесть дней?

Что могли ответить иные, оглушённые ужасом, таящимся в его словах, и скрытой за этим ужасом сладкой ложью? Они могли лишь поклясться, что у них непременно найдётся такое терпение.

К тому же Дун Цзинь не ошибался. Всего шесть дней — если за это время можно получить армию фанатиков, то для них, существ с бесконечно долгой жизнью, это вполне приемлемая цена ожидания.

В этот момент атмосфера на чаепитии окончательно разрядилась.

И тут виновник всех бед, источник всех зол — Дун Цзинь — сам начал ворошить старые счета:

— Кажется, кто-то упоминал о счёте по основной карте?

Иной с отрубленной рукой, только поднявшийся с пола, услышав это, мгновенно захотел лечь обратно и продолжить притворяться мёртвым.

Он проклинал себя за болтливость. В конце концов, это же не его деньги — как потрачены, так потрачены, какая разница? Зачем он вообще открыл рот?

Не успел этот иной придумать оправдание, как Дун Цзинь небрежно заметил:

— Владелец отеля призвал нас сюда без предупреждения — разве не должен он понести финансовые потери как искупление?

Все решили, что Дун Цзинь злится из-за того, что его насильно затянуло через дверь.

Лишь сам Дун Цзинь и зрители трансляции понимали, что его слова об искуплении имели совсем иной смысл.

На самом деле он говорил о том, что тратит деньги богача, чтобы смягчить бедствия, которые иные собирались обрушить на город.

Конечно, этого злым существам объяснять было необязательно.

— Что-то мы заговорились, давайте выпьем. Это столетнее вино, которое я вчера специально велел купить. Сейчас оно как раз достаточно подышало — попробуй и ты.

Изначально о счёте по карте всем рассказал У Ли.

Но в нынешней ситуации У Ли, конечно, не мог продолжать давить, поэтому лишь покорно подвинул графин для декантации к Дун Цзиню, надеясь отвлечь его внимание.

Дун Цзинь равнодушно принял графин.

Однако он не стал наливать себе. Вместо этого лишь мельком взглянул на старую бутылку с размытой этикеткой, затем перевёл взгляд на бабочкообразный штопор, лежащий рядом, и на целую пробку из пробкового дерева возле него.

Через некоторое время, глядя на уже начавшее застывать выражение лица У Ли, он с едва заметной усмешкой спросил:

— Это вино ты сам выбрал и поручил человеку купить, или он сам выбирал?

Неожиданный вопрос Дун Цзиня заставил У Ли смутно почувствовать что-то неладное, но он всё же сдержал раздражение и ответил:

— Я же не местный, откуда мне разбираться в таком? Слышал, на десятом этаже есть человек, который в этом хорошо разбирается — конечно, я велел ему выбрать и доставить в нужное время.

Услышав этот ответ, Дун Цзинь, если бы не усиленно думал о грустном, возможно, рассмеялся бы прямо на месте.

— Потому что это вино поддельное.

Не говоря уже о том, что столетнее красное вино не может пахнуть недостаточно кисло, одна только пробка, пролежавшая так долго, не может быть настолько сухой — и уж точно не может так легко и целиком извлекаться штопором-бабочкой.

Неизвестно, тот, кто покупал вино для У Ли, сделал это намеренно или по незнанию, но умудрился подсунуть подделку прямо под нос злейшему из иных.

Прежде чем разбираться с этим, Дун Цзинь решил уточнить:

— У Ли, ты уже заплатил за эту штуку?

К этому моменту даже У Ли осознал, что с этим так называемым столетним вином что-то не так. Он мрачно уставился на свой недопитый бокал, мысленно уже решив тщательно проверить того человека, который доставил вино.

Если тот действительно посмел обмануть его... Он может не справиться с Дун Цзинем, но уж с каким-то человеком точно разберётся!

К этому моменту Дун Цзиню даже не требовался ответ У Ли — по выражению его лица всё

было предельно ясно.

"Великолепно!" — мысленно восхитился Дун Цзинь.

Осмелиться так открыто подсунуть такое вино — неужели и правда думали, что иные, будучи пришельцами, ничего не смыслят?

Дун Цзинь вдруг вспомнил, как в первую ночь случайно встретил в коридоре десятого этажа человека, чьей профессией было мошенничество.

Может, именно тот тип обманул У Ли?

Подумав об этом, он осознал, что на его десятом этаже не только живёт вор, укравший его телефон в начале, но и мошенник, который осмеливается открыто обманывать иных, да ещё и он сам, проникший в высшие круги...

Столько талантов в одном месте — как тут не восхититься тем, что десятый этаж отеля — настоящее логово тигров и драконов!

Видимо, история с поддельным вином оказалась настолько вопиющей, что иные пребывали в состоянии между верой и сомнением.

Они то украдкой поглядывали на бутылку, к которой больше никто не притрагивался, думая, что вино и правда выглядит подозрительно, то самоуверенно убеждали себя, что никто из

людей не посмел бы так обмануть иных.

В этой неразберихе почти никто не обращал внимания на Дун Цзиня, оказавшегося в центре внимания изначально.

Почти — не значит совсем никто.

По крайней мере, Кай, молча сидевший слева от Дун Цзиня, ни на мгновение не отвлёкся на историю с вином.

И первая же фраза, которую он произнёс, заставила Дун Цзиня, рассеянно приносивавшегося к графину в попытке определить истинный возраст вина, внутренне вздрогнуть.

Кай сказал:

— Я думал, ты не пьёшь.

Это прозвучало бы как обычная светская беседа, если бы не одно "но" — сегодня от Дун Цзиня не пахло алкоголем.

Проблема в том, что пахло.

Чтобы замаскировать запах люминола, перед чаепитием Дун Цзинь специально достал из мини-бара крепкий виски и основательно надушился его ароматом.

Кай всё это время находился так близко — не мог не почувствовать резкий запах спиртного.

При таком сильном алкогольном амбре никто бы не подумал, что Дун Цзинь не пьёт.

Но именно так считал Кай до того момента, пока Дун Цзинь случайно не продемонстрировал свои познания в винах. Только тогда он незаметно пересмотрел своё мнение.

Размышляя об этом, Дун Цзинь попытался вспомнить, что делал Кай, когда он ходил забирать карту.

На той карте наверняка остались следы реагента с его пальцев. Вспоминая неотрывный взгляд Кая, Дун Цзинь уже не мог быть уверен, о чём тот думал всё это время и что успел заметить.

"Кая определённо нельзя оставлять в живых".

"Я точно должен разобраться с ним до седьмого дня".

Всё острее осознавая, насколько опасен Кай, Дун Цзинь продолжал размеренно покачивать графин и как бы между прочим ответил:

— Я до мозга костей азартный игрок. Ты когда-нибудь встречал игрока, который не пьёт?

"Если не встречал — что ж, теперь встретил".

"Потому что я ставлю на кон только свою жизнь и не нуждаюсь в алкоголе, чтобы затуманить те крохи рассудка, что у меня остались".

Услышав это, Кай снова искоса взглянул на него.

Его полудлинные волосы, вьющиеся лишь на кончиках, рассыпались по спинке дивана.

Вместе с тёмно-золотыми, подёрнутыми дымкой глазами он в этот момент напоминал потускневшую от времени масляную картину, странно сочетающую в себе пылкость и холодное одиночество.

Как и все его поступки до сих пор.

Дун Цзинь не мог разгадать мысли Кая, не мог предугадать, когда тот потеряет к нему интерес, поэтому, верный своему принципу не тратить силы впустую, решил поскорее закончить всё это.

Он совершенно не хотел видеть, каким станет этот сдержанный безумец, когда полностью освободит свою истинную природу.

Раз картина уже поблекла, пусть благоразумно сгниёт сама, а не дожидается, пока её разорвут и сожгут.

Во время этого незаметного противостояния между Дун Цзинем и Каем второе чаепитие быстро подошло к концу, даже быстрее, чем первое.

Как иначе, если мысли присутствующих давно улетели прочь?

Результаты голосования полностью совпали с предыдущим разом — Дун Цзинь сохранил позицию лидера.

Как только объявили итоги, они с Каем один за другим покинули комнату.

Поэтому Дун Цзинь не увидел, как за их спинами иные, только что витавшие в облаках, словно приварились к своим местам — ни один не собирался уходить.

Когда силуэты Дун Цзиня и Кая окончательно исчезли, чаепитие, которое должно было закончиться, по-настоящему началось.

— Наконец-то эти два бога смерти ушли. При них я и слова вымолвить не решалась, — женщина-иная, сегодня необычайно молчаливая, глубоко вздохнула и вновь обрела свою

болтливую натуру, бесцеремонно набросившись на У Ли:

— У Ли, что за дела? Это вино действительно поддельное? Сколько ты уже прожил, а позволил человеку себя обмануть? Какой позор для всех иных! Если ты не разберёшься, я сама уничтожу этого проклятого мошенника.

— ...Ещё неизвестно, настоящее оно или поддельное, я прикажу проверить, — под пристальными взглядами десяти иных У Ли попытался сохранить достоинство, но затем махнул на всё рукой:

— Если окажется подделкой, можешь не утруждаться — я лично покажу этому человеку, что значит перейти дорогу иному.

— Давайте отложим вопрос с вином. Что всё-таки произошло в зале два дня назад? Хоть Дун Цзинь и был лидером, хоть его сегодняшние объяснения звучат разумно, но нельзя же принимать такие серьёзные решения, не посоветовавшись...

Иной с отрубленной рукой вклинился в разговор.

Едва он договорил, кто-то подхватил с таким же недоумением:

— Разве Кай не присутствовал тогда? Что он вообще делал?

Ответила на этот вопрос та же женщина-иная, что начала разговор:

— ...Он смеялся.

— Что? — переспросил кто-то, словно не расслышав.

— Я говорю, когда Дун Цзинь взрывал зал, Кай смеялся. Когда Дун Цзинь объявил о своей игре, Кай продолжал смеяться.

— Говорят, одна из бомб взорвалась прямо рядом с ним, но Кай не только не уклонился — он остался сидеть на месте и продолжал аккомпанировать Дун Цзиню.

Такое невыносимое развитие событий, которого иные даже представить не могли, снова лишило их дара речи.

Спустя долгое время кто-то пробормотал:

— ...Так что, что бы Дун Цзинь ни сделал, он просто... одобряет всё?

Изначально присутствующие надеялись, что Кай сможет как-то сдерживать Дун Цзиня. Услышав это, некоторые сразу решили отступить.

Рассчитывать, что такой Кай ограничит Дун Цзиня — легче сразу предаться дневным грёзам.

Пока иные тайком проводили своё собрание, Дун Цзинь уже снова стоял перед лестничной площадкой 33-го этажа, рассеянно глядя на запертую дверь.

За дверью всё ещё кто-то находился.

Очевидно, До Гэ ждал результатов чаепития.

Похоже, эта домашняя собака, даже будучи прирученной, сохранила повадки бродячего пса — готового при первых признаках ослабления хозяина немедленно искать нового.

К счастью, он уже использовал До Гэ, чтобы избавиться от угрозы со стороны вора, а сегодня окончательно закрыл вопрос со взрывом в зале.

Это означало, что его комбинация практически завершена, а значит, с этого момента ему не нужны ни нож, ни кусачая собака.

С этими мыслями Дун Цзинь бросил взгляд на Кая, который тоже остановился, заметив его паузу.

Дун Цзинь был абсолютно уверен — на мгновение Кай холодно нахмурился, покосившись на запертую деревянную дверь.

Несомненно, этот сильнейший из иных тоже обнаружил присутствие До Гэ. Возможно, он давно знал о существовании этой фигуры за дверью, просто раньше не придавал значения.

Кай — безумный пёс, готовый взбеситься в любой момент; До Гэ — бродячий пёс, готовый в любой момент укусить хозяина.

Раз уж они так удачно встретились на узкой дорожке, пусть устроят собачью грызню.

Стремительно приняв решение, Дун Цзинь, оставаясь в мёртвой зоне обзора от двери, беззвучно произнёс одними губами имя "До Гэ", словно объясняя Каю, кто прячется за дверью.

При этом имени морщины между бровей Кая стали ещё глубже.

Дун Цзинь же, предпочитающий не заниматься уборкой после убийства, весело прошёл мимо двери. Когда он остановился у лифта в ожидании, Кай, который должен был разойтись с ним на повороте, вдруг спросил:

— Не хочешь зайти?

Дун Цзинь обернулся на голос.

За поворотом у лифта располагался люкс — жилище Кая.

Дун Цзинь знал об этом месте.

За это время в поисках "двери" он обошёл практически весь отель "Встречи демонов", но до сих пор не нашёл даже намёка на неё. Кроме обычных комнат, не представляющих интереса, осталось лишь два непроверенных места.

Первое — запертая крыша отеля, второе — комната Кая.

Судя по недавнему поведению Кая, вероятность того, что "дверь" находится во втором месте, на самом деле невелика.

Потому что если бы "дверь" всё время была в комнате Кая, то, если только Кая не оказалось в комнате в ту ночь, его ложь о том, что он иной, была бы сразу раскрыта.

Хотя вероятность была низкой, Дун Цзинь всё же сделал вид, что принимает приглашение, и сделал пару шагов вперёд.

Подойдя к двери комнаты Кая, он бегло осмотрелся и убедился, что "двери" здесь действительно нет. Только тогда, под звук прибывшего лифта, он с улыбкой сказал:

— Какая жалость, лифт уже пришёл. В следующий раз.

— В следующий раз, возможно, ты пригласишь меня к себе.

"Конечно, следующего раза у нас, вероятно, уже не будет".

Сказав это, он даже не стал дожидаться реакции Кая — без лишних церемоний вернулся на свой десятый этаж.

А там До Гэ уже ждал у его двери.

Увидев его, Дун Цзинь ничего не сказал.

Хотя в эти дни он слышал, как До Гэ называет себя его доверенным лицом и самоуправствует среди других злодеев отеля, но пока тот не осмеливался проявлять свои амбиции перед ним самим, Дун Цзинь не считал нужным его разоблачать.

Он просто использовал его, пока это было удобно.

И сейчас как раз настал момент для последней услуги До Гэ.

— Господин, у вас есть новые указания?

Глядя в по-прежнему довольно фанатичные глаза До Гэ, Дун Цзинь безразлично спросил:

— Откуда у тебя ключ от лестницы?

До Гэ до сих пор не мог понять, как Дун Цзинь каждый раз раскрывает его следы.

Поэтому он мог лишь честно ответить:

— Его сделал тот вор с десятого этажа, я давно купил у него копию. Кроме ключа от лестницы, он сделал дубликаты ко всем дверям в отеле, где нет электронных замков.

Услышав это, глаз под повязкой Дун Цзиня слегка дрогнул.

Потому что дверь, ведущая на крышу отеля, как раз не имела электронного замка.

Нет, это вряд ли совпадение.

Скорее всего, и вор с десятого этажа, и мошенник — всё это подсказки, заранее заложенные в испытание Высшей Вселенной. Просто из-за различий в характере, пока большинство испытуемых методично продвигались по подсказкам, он уже яростно ринулся к источнику, чтобы захватить всё хитростью.

— Отдай мне все ключи.

Учитывая, что До Гэ вряд ли доживёт до завтра, Дун Цзинь не стал ходить вокруг да около, а просто прямо приказал.

До Гэ, хоть и с некоторым непониманием и явным нежеланием, всё же достал связку ключей и передал их Дун Цзиню.

Затем он воспользовался моментом, чтобы доложить, что некоторые злодеи всё ещё не подчиняются и с трудом поддаются устранению, пытаясь помешать фейерверк-шоу — видимо, надеясь получить разрешение на уничтожение этих людей.

Дун Цзинь, небрежно протягивая До Гэ чашку только что заваренного холодного чая, рассеянно произнёс:

— Если не можешь решить силой, можешь позвонить в полицию. Или мне нужно научить тебя набирать номер?

От этих слов До Гэ впал в глубокий шок.

В тот момент в его голове промелькнуло множество мыслей вроде "ты же знаешь, что мы злодеи, как злодеи могут звонить в полицию?", но вспомнив, что сейчас большинство злодеев в отеле занимаются установкой фейерверков, он понял, что сказать больше нечего.

В конце концов, он молча взял телефон, составил список для доноса и вышел из комнаты Дун Цзиня.

И как раз когда он закончил редактировать и нажал кнопку отправки, собираясь вернуться в свою комнату на лифте, двери лифта, спускающегося сверху, медленно открылись прямо перед ним.

Фигура с рыжими волосами и золотыми глазами постепенно проступила в проёме.

Даже в этот момент До Гэ всё ещё не осознал приближения опасности.

Он решил, что Кай ищет Дун Цзиня по какому-то делу, и даже почтительно отступил в сторону, пропуская его. Но Кай лишь бросил взгляд на дверь в конце коридора, которую Дун Цзинь недавно закрыл, а затем его тёмно-золотые глаза вновь остановились на До Гэ.

Вернее, на его горле.

К полудню пятого дня испытания, когда Дун Цзинь снова открыл дверь своей комнаты...

Голова До Гэ тихо лежала перед его порогом.

<http://bllate.org/book/13401/1193047>